

— Ты всегда имел на это право. — Оу Жэньцзинь не стал объяснять, насколько странным и сложным было его состояние, когда он произносил эти слова.

— А какой подарок ты хочешь получить? Ты наконец-то нашёл что-то, что тебе нравится? — Оу Шаовэнь держал его за руку, слегка покачивая.

Оу Жэньцзинь притворился, что задумался, а затем серьёзно сказал:

— Больше всего я хочу получить... то, что нравится тебе. Что ты больше всего хочешь, что любишь — вот это и подари мне.

Оу Шаовэнь с недоумением посмотрел на него:

— Но ведь я больше всего люблю тебя!

Словно стрела, пронзившая его сердце, эти слова заставили Оу Жэньцзиня на мгновение замереть, не зная, как ответить.

Через некоторое время он высвободил руку и легонько постучал его по лбу:

— Даже если ты меня любишь, это не поможет, ты ведь не можешь меня купить. Подумай о том, что ты можешь приобрести.

— Но то, что нравится мне, не обязательно понравится тебе.

— Неправда. Ты слышал выражение «любить человека вместе с его вороной»? То, что нравится тебе, будет нравится и мне. — Оу Жэньцзинь слегка поднял мизинец, показывая ему. — Вот так и договоримся.

Оу Шаовэнь с восхищением смотрел на его жест:

— Я знаю, это значит «зацепиться мизинцами».

Он сцепил мизинец с Оу Жэньцзинем, слегка покачал рукой и сжал губы, словно участвуя в каком-то священном ритуале.

Оу Жэньцзинь в канун Нового года настоял на выписке из больницы. Однако врач предупредил, что ему ещё нужно долгое время на восстановление, поэтому он не мог сопровождать Оу Шаовэня в переполненные супермаркеты или есть слишком жирную и острую пищу.

Оу Шаовэнь разделил с ним лёгкий ужин, а затем они вместе сидели во дворе, запуская фейерверки, которые заполнили весь багажник машины.

С тех пор в памяти Оу Шаовэня Новый год ассоциировался с красивыми и яркими фейерверками, и ни один другой момент не мог сравниться с этой ночью.

Оу Жэньцзинь, как и раньше, благодарил его за то, что тот подал стакан воды. Оу Шаовэнь постепенно привык к этому и отвечал вежливым «не за что».

Несколько дней отпуска пролетели слишком быстро. Когда Оу Шаовэнь вернулся в компанию для продолжения тренировок, Оу Жэньцзинь ещё не собирался выходить на работу, поэтому он с сожалением попрощался с ним и сел в машину, которую специально за ним прислал Ци Юэ.

— Не виделись несколько дней, а наш Шаовэнь стал ещё красивей. — Ци Юэ улыбнулся, поприветствовав его, и всю дорогу хвалил его, начиная с волос и заканчивая новыми кроссовками.

— Что с тобой сегодня? — Оу Шаовэнь был удивлён.

— Ничего, просто я, кажется, стал ещё больше тебя любить.

Оу Шаовэнь широко раскрыл глаза. В его понимании любовь была счастливым и прекрасным чувством, которое испытывают только к определённым людям. Поэтому, когда Ци Юэ произнёс это слово, он был поражён.

Ещё не успев осмыслить слова Ци Юэ, он, только войдя в лифт компании, был остановлен молодой девушкой, которая с возбуждением подошла к нему, стараясь не вести себя слишком навязчиво, и радостно попросила:

— Оу Шаовэнь, ты мне очень нравишься, ты можешь оставить мне автограф?

— Но... — Оу Шаовэнь слегка нахмурился, отступив на полшага. — Я тебя не знаю.

— Но я знаю тебя! Я знаю тебя с тех пор, как смотрела [Смертельную королевскую битву]. Я работаю в компании и видела, как ты тренируешься в зале. Ты действительно потрясающий, ты обязательно станешь великим айдолом, я всегда буду тебя поддерживать.

Оу Шаовэнь, слегка ошеломлённый, на листе блокнота, который она ему протянула, аккуратно написал своё имя.

«Оказывается, в этом мире действительно есть люди, которые могут полюбить того, с кем никогда не общались. Но можно ли это считать любовью? Такая ли это любовь, какую он испытывает к Оу Жэньцзиню?»

Даже строгий учитель музыки сегодня, казалось, был в отличном настроении и хвалил его за то, что он правильно сыграл аккорд.

Когда он пытался купить воду в автомате, парень сзади молча показал ему, как это сделать.

— Спасибо. — Оу Шаовэнь взял воду, которую тот ему передал, и показал телефон. — Ты заплатил за меня. Что ты хочешь купить, я заплачу за тебя.

— То же самое. — Парень не отказался, позволив ему купить ещё одну бутылку воды, которую затем передал ему в ответ.

Парень взял воду и естественно пошёл рядом с Оу Шаовэнем. Они шли вместе, пока не дошли до дверей тренировочного зала, где Оу Шаовэнь остановился и с недоумением посмотрел на него:

— Ты тоже идёшь на танцы?

— ...Да. — Он немного подумал, а затем представился:

— Меня зовут Сун Ицзю, мне 25 лет. Я хорошо пою и умею имитировать голоса. Вскоре начнётся шоу [В свете софитов], и компания, возможно, отправит меня туда вместе с тобой.

Оу Шаовэнь моргнул, молча глядя на него.

Сун Ицзю не привык долго смотреть в глаза во время разговора, его взгляд скользил по лицу Оу Шаовэня, а затем уходил в сторону:

— Так что, начиная с сегодняшнего дня, я, возможно, буду заниматься танцами вместе с тобой.

— Понятно. — Оу Шаовэнь кивнул, показывая, что понял, а затем, после паузы, вспомнил, что должен представиться в ответ. — Меня зовут Оу Шаовэнь, мне 20 лет.

На самом деле, это был не его настоящий возраст. Сколько ему на самом деле лет, он и сам не знал. Этот возраст был просто указан в документах, которые ему оформили, судя по его внешности.

Сун Ицзю не был человеком, который легко заводил разговоры с незнакомцами, а Оу Шаовэнь и подавно. Поэтому на протяжении всего урока танцев они практически не общались.

Для Оу Шаовэня танцевальные занятия в компании сейчас служили лишь для поддержания базовых навыков и укрепления мышц, не принося значительного прогресса в его мастерстве. Сун Ицзю же был полным новичком в танцах, и, в отличие от Оу Шаовэня, у него не было природного таланта, из-за чего он выглядел крайне неуклюжим. Учитель тратил много сил, чтобы исправить его базовые позы, но чем больше он старался, тем более неуклюжим он казался.

Он, тяжело дыша, отошёл в сторону, открыл бутылку воды и вылил немного себе на лицо, а затем, сквозь водяную пелену, посмотрел на Оу Шаовэня.

Сегодня утром, получив звонок от так называемого главы отдела айдолов компании и вызвавшись в офис, он с трудом смог сохранить спокойствие, когда ему предложили это неожиданное и удачное решение. Раньше в [Цимэн] не было отдела айдолов, и он был всего лишь второстепенным актёром, снимающимся в эпизодах фильмов и сериалов. Пение было его личным хобби. Но сегодня утром глава лично объяснил ему, что, случайно проходя мимо тренировочного зала, он услышал, как он поёт, и оценил его, считая, что у него есть большой потенциал на пути к айдолу.

Чтобы уменьшить внимание обычных зрителей к Оу Шаовэню, связанное с его связями в крупной компании, и, что более важно, разделить часть критики и давления, компания приняла это неожиданное для него решение всего за две недели до начала съёмок шоу.

В конце глава, закончив объяснения, улыбнулся и добавил:

— Начиная с сегодняшнего дня, ты будешь заниматься вместе с Оу Шаовэнем. У него есть талант к танцам, ты можешь попросить его помочь, научить тебя, не стесняйся. Ты, наверное, слышал о нём, и хорошие отношения с ним могут открыть для тебя много возможностей.

— Кстати, директор Оу, кажется, сейчас пытается угодить своему маленькому дружку. Когда ты будешь с Оу Шаовэнем, попроси его помочь, поблагодари его, похвали его. Угодать, ты ведь умеешь, правда? Как ребёнку.

Сун Ицзю по своей натуре не был человеком, который любил беспокоить других, и он не был тем, кто умел льстить или угождать. Но он также очень ценил этот внезапно представившийся шанс.

Он был уже не молод, но у него всё ещё были мечты, от которых он не хотел отказываться.

<http://bllate.org/book/16325/1473685>